

УДК 304

DOI: 10.17223/2312461X/21/11

РЕПАТРИАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ МИГРАЦИИ ИЗ БЫВШЕГО СССР В ГРЕЦИЮ (1990–2000-е гг.)

Александр Николаевич Мануйлов

Аннотация. В статье рассматривается проблема кризиса идентичности в связи с миграцией из постсоветских стран в Грецию, так называемой репатриацией. В основе работы лежат полевые материалы, собранные в Греции и России; при этом сфокусирована статья на рассказах мигранта из Грузии о причинах его переезда в Грецию, о том, как он приспособился к жизни в новой для себя стране, с какими проблемами столкнулся, почему не желает возвращаться и как оценивает свою миграцию. В основе анализа лежит теория капиталов Пьера Бурдьё, релевантность которой по отношению к миграционным исследованиям обсуждается специально. Целью статьи является анализ эффективности кросс-граничного переноса символического капитала мигрантов и связи этой эффективности с кризисом идентичности. Автор делает следующие выводы: более слабый символический капитал, аккумулированный в странах происхождения мигрантов, позволяет осуществить более эффективную апроприацию и не ведет к утрате профессионализма и понижению социального статуса; более сильный символический капитал обычно является плохим багажом для мигранта в смысле апроприации, однако он играет важную роль в матримонимальных стратегиях и внутригрупповых отношениях; неудача в переносе и подтверждении сильных иностранных капиталов ведет к потере профессиональных навыков и кризису идентичности.

Ключевые слова: теория капиталов, миграция, кризис идентичности, символический капитал, апроприация

Когда я приехал [в Грецию], я отправил свой диплом для подтверждения в специальный центр. Через пятнадцать лет они звонят мне и говорят: «Мы рассмотрели вашу заявку. Вы должны сдать восемь экзаменов, чтобы подтвердить ваше образование. Вы хотите подтвердить ваше образование?» – «Что?! Вы с ума сошли! Нет, спасибо!» – и я положил трубку.

*Из интервью с Георгием Т.,
Александрополис, Греция, 2009.*

Проблематизация

Теория капиталов Пьера Бурдьё (Bourdieu 1986) хотя и весьма распространена в современной литературе о миграции, в большей степени касается закрытых национальных полей, располагающихся в границах государства, чем международных или кросс-границных циркулирующих капиталов и отношений. В соответствии с этим специалисты по миграции, когда они основывают свои аргументы на идеях и терминологии Бурдьё, испытывают некоторую нехватку аналитических категорий и инструментов для своих исследований и производят различные дополнительные категории, чтобы преодолеть методологические разрывы между хорошо отстроенной теорией и плохо интерпретируемыми социальными процессами. Умут Эгел (Egel 2010) в своем исследовании турецкой миграции в Германию и Великобританию, например, обогащает терминологию Бурдьё такими понятиями, как «национальный капитал» и «специфически миграционный культурный капитал», что позволяет ей описать переносимый мигрантами символический капитал и скоординировать «закрытые», или относящиеся к одной стране, концепты с динамикой кросс-границного экспорта символических продуктов. То же может быть сказано об исследовании репатриационного движения из бывших советских стран в Грецию. Хотя Эфтихия Вутира (Voutira 2004), например, не использует концепты Бурдьё, она, тем не менее, интерпретирует свои данные с помощью термина «капитал» и тоже обращается к дополнительной терминологии, заимствуя один из ключевых элементов из работы Николаса Ван Хеара (Van Hear 1998: 51). В частности, она утверждает, что опыт миграций «конституирует кумулятивный миграционный капитал», включающий «различные типы ноу-хау: знание транспортных сетей, мастерство в пограничных переговорах с властями и разного рода бюрократами, доступ к различным социальным службам и рынкам труда» (Voutira 2004: 542)¹.

В свою очередь, Ван Хеар выработал свой концепт, позаимствовав термин «кумулятивный» из работы Дугласа С. Массея и др. (Massey et al 1993); Массей писал в 1990: «Я заново ввел концепт “циркулярной и кумулятивной обусловленности” Гуннара Мюрдаля (Myrdal 1957)², идею того, что миграция “индуцирует изменения в социальных и экономических структурах, что делает возможной новую миграцию”» (Massey 1990: 4–5)³. Мюрдаль же в работах 1950-х гг. обновил свою же «упрощенную модель кумулятивной экономической обусловленности», выработанную им в 1930-е гг. (Myrdal 1958: 199, п. 1). Более того, как свидетельствует Нанако Фуджита (Fujita 2004), существует по меньшей мере три течения в теории кумулятивной обусловленности, и Мюрдаль представляет лишь одно из них. Такая длинная цепочка влияний и заимствований свидетельствует о том, что терминологический аппарат

миграционных исследований как был, так все еще и остается в стадии разработки. Взаимосвязь миграции и капитала (в его разных пониманиях) последние три десятка лет вызывает устойчивый интерес антропологов, социологов и других специалистов по миграциям (Werbner 1990; Morales, Pilati 2011; Cederberg 2015; Erel 2015; Reynolds 2015; Ryan, Erel, D'Angelo 2015; Jayaram 2016 и др.). Киран Джаярам в своей статье, посвященной анализу работ об этой взаимосвязи, делает вывод о том, что проблематика (им)мобильности является ключевой в современных социальных исследованиях, а этнография призвана сыграть решающую роль как метод, позволяющий осуществлять изучение этой проблематики, где тема капитала представляется ему одной из важнейших (Jayaram 2016: 28).

Как «капиталы Бурдые» двигаются через / сквозь границы? В целом – с большим трудом. И если все же капиталы пересекают границу, то, скорее, вопреки теории капиталов. Однако это не значит, что данная теория неприменима как исследовательский инструмент; скорее, наоборот: теория Бурдые демонстрирует на своем собственном примере границы применимости капиталов. Пересечение государственных границ генерирует новые формы капитала, например миграционный капитал. Последний, в свою очередь, может быть представлен в виде капитала беженца, капитала экономического мигранта, капитала репатрианта или капитала нелегального мигранта (список можно продолжить). Каждая упомянутая форма миграционного капитала конституируется государственными дискурсами принимающей страны. Как показано в настоящей статье, теоретический базис Бурдые является одним из наиболее релевантных по отношению к миграционным исследованиям, невзирая на необходимость введения некоторых понятий и терминов, развивающих подход Бурдые.

В настоящей статье анализируются некоторые биографические материалы, полученные в ходе интервью и разговоров с мигрантами из стран бывшего Советского Союза в разных местах Греции⁴. Основным источником статьи является автобиографический нарратив моего знакомого из Александрополиса. Я представляю этот материал и осуществляю его анализ, используя другие полевые материалы, полученные в ходе моих полевых исследований в России и Греции в 2008–2011 гг., а также публикации коллег. Кроме того, обсуждаю здесь различные манифестации феномена, известного благодаря Эрику Эриксону как «кризис идентичности» (Erikson 1968). Этот социально-психологический термин стал популярен во всех социальных науках, особенно когда исследователи обращались к изменениям в определенных идентичностях, связанных с «внешними» вызовами (см., например: Harner 2001: 665). В нашем случае термин «кризис идентичности» может быть использован для описания конфликта между ожиданиями и

опытом, полученным экс-советскими гражданами после их «репатриации» в Грецию. Антон Попов в своем исследовании греческой миграции из стран бывшего СССР обращается к опыту информантов в России, совершавших поездки в Грецию, чтобы продемонстрировать связь между кризисом их идентичности и греческим рынком труда (Поров 2010: 69–76). Он подчеркивает экономические и политические причины этого кризиса.

Мой подход несколько иной: первый аргумент состоит в том, что идентичность бывших советских граждан имеет сильный *символический* компонент, играющий важную роль в процессе апроприации ими греческих дискурсов и практик (см.: Мануйлов 2017) в совокупности с его политическими и экономическими последствиями. Их попытки занять «место под солнцем» в Греции имели различные результаты в зависимости от того, какого рода символическим капиталом они обладали до миграции. Второй аргумент состоит том, что сильный символический капитал, аккумулированный в СССР и постсоветских странах, с большим трудом может быть «репатрирован» вместе со своими носителями и использован в Греции. То есть те, кто обладал более сильным символическим капиталом, выраженным в основном в высшем образовании и соответствующих дипломах, а также в опыте работы, допуск к которой обеспечивается этими дипломами, столкнулись с более сложным процессом апроприации греческости. И наоборот, те, кто обладал более слабым символическим капиталом, были в состоянии найти работу в более короткие сроки и часто по специальности; соответственно, они были в состоянии начать процесс апроприации быстрее и с бóльшим эффектом. Неспособность переноса определенных форм капитала создает препятствия для успешной апроприации в таких полях, как язык и образование, а также во множестве высокопрофессиональных субполей. Таким образом, объектом моего исследования являются нарративы информантов о причинах, ходе и последствиях их миграции из постсоветских стран. Предмет статьи – идентичность бывших советских граждан и ее трансформация в ходе миграции, приводящая к кризису. Целью же статьи является анализ эффективности кросс-границного переноса символического капитала мигрантов и связи этой эффективности с кризисом идентичности.

Какого рода капиталы (за исключением этничности как ключевого символического капитала⁵ для репатриации) могли быть аккумулированы бывшими советскими гражданами для миграции в Грецию? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Как отмечает Ричард Клогг в отношении понтийских греков – беженцев из Малой Азии 1920-х гг., большинство из них «были в состоянии принести с собой некоторый капитал или, по крайней мере, предпринимательский дух; и они принесли новый динамизм в экономику [Греции]» (Clogg 2002: 103). Экс-

советские греки, которые начали массово прибывать в Грецию с конца 1990-х гг., на мой взгляд, тоже обладали определенным «предпринимательским духом», упомянутым Клоггом. Эта способность к конструированию экономического и других капиталов «на пустом месте», которую они использовали при переселении в Грецию, обусловлена двумя факторами: 1) тяжелым опытом самоорганизации, полученным большей частью советских греков в 1930–1950 гг., т.е. в период их насильственного переселения в Центральную Азию и Сибирь (см.: Джуха 2006; 2008) и добровольного возвращения в европейскую часть России; 2) опытом интенсивного развития частного предпринимательства в годы перестройки. Мой друг из южнороссийского греческого села Богатырское Панайотис Ф., который провел десять лет в Греции и затем вернулся обратно, так прокомментировал ситуацию с переселением греков:

Те, кто приезжает из России и других [экс-советских] стран, сразу начинают заниматься коммерцией. Они привозят товары из России, продают их на открытых городских рынках без налогов, по решению греческого правительства, затем покупают другие товары, необходимые в России, и продают их там, в России. Одновременно строят себе дома в Греции или участвуют в строительстве многоэтажек, оплачивая себе квартиры.

А моя знакомая из Эссентуков Афина Р. вспоминает первые поездки ее семьи в Грецию как постоянную торговлю на рынках такого рода в Фессалониках:

Мы уже знали, что начнется [в Грузии], поэтому переехали [в Эссентуки] заранее, в 1990-х. С тех пор жила то в Эссентуках, то в Греции. В Греции мы работали. Отправляли [туда] контейнерá с товаром [из России], встречали их там. Торговали... Я выучила язык греческий на рынке. В Салониках торговали... Мы, вот, раскладывались – километр товара! Рынок не настолько большой [был], сколько нам надо было места... Мы с России отправляли ашхабадские ковры, гусьохрусталеvский хрусталь, богему, вот такое...

При этом утрата профессиональных навыков, карьеры является обычным явлением для мигрантов с высшим образованием. В то же время невозможно представить «портрет» персоны мигранта или семейный портрет, который бы репрезентировал всю экс-советскую диаспору в Греции. Среди экс-советских греков в Греции можно обнаружить выходцев из самых разных социальных групп. Напротив, я считаю более важным представить конкретные жизненные истории и мнения участников репатриации.

Если все же попытаться найти решение проблемы капиталов мигрантов, мой аргумент был бы таков: наиболее сильный капитал для успешной миграции – это финансовый капитал (или деньги) или любая другая форма капитала, который легко может быть конвертирован в деньги (например, недвижимость или частный бизнес). Финансовый капитал, как кажется, даже сильнее, чем этнический поскольку любая персона из любой страны имеет право инвестировать значительный финансовый капитал в национальную экономическую систему, и принимающая европейская страна предоставляет такой персоне свое гражданство. Как упомянуто выше, Бурдые рассматривает экономический капитал как «немедленно и непосредственно конвертируемый в деньги», как капитал, который «может быть институализирован в форме прав собственности» (Bourdieu 1986: 243). Однако символический капитал в форме «подтвержденной» этничности играет значительную роль в обретении нового гражданства и является привлекательным даже для состоятельных людей.

Георгий из Грузии

Один из моих знакомых Георгий С. не является состоятельным человеком. Он родился в 1951 г. в Грузинской ССР (в Цалкском районе), где проживал до окончания школы. Его отец и мать были потомками выходцев из Карса (ныне – часть Турции), называемых урумами, и проживших всю свою жизнь в одной из деревень Цалкского района (см. о греческих селах этого района: Читлов, Читлов, Гуриели 1992). Окончив школу, Георгий поступил в университет в Тбилиси, по окончании которого получил квалификацию математика и учителя математики. Он женат на своей однокурнице Ольге, также происходящей из семьи урумов Цалкского района. Георгий говорит на русском, азербайджанском, армянском, грузинском, турецком (возможно, он имел в виду свой родной урумский диалект), а теперь и на новогреческом. По окончании университета Георгий и Ольга стали работать учителями в средних школах Тбилиси. У них двое детей, сын и дочь. Они уехали из Тбилиси на собственной машине в 1993 г., пересекли территорию Турции и затем, прибыли в Грецию. Они решили поселиться в северной Греции недалеко от турецкой границы в городе Александруполис. Их дети закончили местный медицинский институт; на момент нашего знакомства в 2009 г. их сын только получил диплом и намеревался жениться, в то время как дочь была уже замужем, имела сына-первоклассника. Основным семейным языком у них оставался русский.

Незадолго до отъезда семьи Георгия из Грузии с сыном, в то время тринадцатилетним подростком, в Тбилиси произошел инцидент: он стал жертвой уличных бандитов, которые напали на него недалеко от

дома и, как говорит Георгий, «приставили к груди обрез и заставили снять всю одежду; так что домой он пришел голый». После этого случая Георгий и Ольга начали собирать документы, необходимые для получения греческих виз и выставили на продажу свою трехкомнатную квартиру. В качестве серьезной причины отъезда Георгий также называет грузинский национализм. Сейчас, однако, он вспоминает о своей жизни в Грузии как о «хороших временах» для него и его семьи, временах процветания и успешных карьер. Он постоянно повторяет: «У меня ностальгия по России».

Хотя Георгий – дипломированный математик, он долгое время не имел возможности подтвердить свой диплом в Греции (см. эпиграф). Он сменил множество работ в тех областях, где не требуется какая-либо квалификация. На момент нашего знакомства в 2009 г. ему было 58 лет и он работал охранником в маленьком дешевом отеле. Иногда он подменял хозяина отеля, работая в качестве администратора, помогал в кафе.

Когда семья Георгия отправлялась в Грецию, он надеялся найти работу школьного учителя для себя и своей супруги, но это оказалось невозможно без подтверждения дипломов о высшем образовании и без уверенного знания новогреческого языка. Он не знал о необходимости подтверждения дипломов, так как никогда не бывал в Греции и не имел там родственников. Кроме того, в связи с экономическим и политическим кризисом в Грузии Георгий смог выручить только 15 тысяч долларов США за свою трехкомнатную квартиру в Тбилиси. Этих денег едва хватило, как говорит Георгий, чтобы добраться до Турции и пересечь границу, так как «всю дорогу нам приходилось платить тем, этим, пятым, десятым... Очень много постов было, и все требовали взятки. Слава Богу, до границы турецкой добрались, правда, денег уже было в обрез».

Когда семья достигла Греции, она уже не имела никакого финансового капитала. Миграция без финансового капитала – это типичный случай для хорошо образованных мигрантов из бывшего СССР. Прибывая в Грецию, они, как правило, не имеют ничего, кроме неподтвержденного символического капитала, выраженного в дипломах вузов. Случай Георгия был усугублен еще и тем, что он не был знаком с условиями жизни в Греции и, в то же время, нес ответственность за членов своей семьи. Он говорит:

В Тбилиси мы жили хорошо. У нас было все, что нужно, хотя зарплаты и не были высокими. А здесь я никому не нужен. Я думал вернуться, но детям здесь нравится. Они оба врачи. Поэтому мы решили не возвращаться. Да и что мне делать в России, когда скоро на пенсию?

Рассуждая о своей нелегкой жизни в Греции, Георгий находит лишь один аргумент, чтобы остаться, – беззаботное будущее его детей. Таким образом, здесь работает особый тип социального инвестирования –

инвестирование в молодое поколение, которое характеризуется, по Бурдье, отсроченной перспективой обратного инвестирования (Bourdieu 1994: 5–6). Другими словами, Георгий конструирует позицию жертвователя и занимает ее, становясь одновременно и жертвователем, и жертвой. Миграция ради благополучия детей – мотив, характерный для мировых миграционных процессов в целом. Но Георгий придает этой теме и религиозный смысл, объясняя, что его жертва «угодна Богу». Его речь в целом содержит множество отсылок к православию, и содержательных, и ритуальных. Рассказывая о переезде через Грузию до турецкой границы, Георгий подытоживает историю об этой поездке такими словами: «Я въехал в Турцию и перекрестился!» Рассказ Георгия был очень эмоционален, и, произнося эту фразу он быстро и размашисто осенил себя крестом. Этот жест тогда, на границе с Турцией имел значение благодарности за спасение, за то, что самый опасный участок пути остался позади. Ситуация интересна также и тем, что Георгий является православным христианином, который пересекает границу родной страны и въезжает в Турцию, светское государство, но с господствующим исламом.

Не стоит игнорировать и еще два факта, это то, что предки урумов переехали на Кавказ из Османской империи, и Турция с ее святынями понтийских греков выглядела для Георгия как родина его предков; а также то, что его родной язык хорошо понимается турками, а сами Георгий и Ольга прекрасно понимают турецкий. Осенив себя крестом, Георгий, таким образом определил «водораздел» между турбулентным и опасным миром, который представляла из себя в то время Грузия, и миром его предков, начавшимся с пересечения грузинско-турецкой границы. Георгий понял, как он говорит, что ему удалось спасти семью, машину и весь их багаж. Рассказ об этом событии, как и само событие (крестное знамение), являются элементами сложного дискурса об идентичности Георгия, где есть место и России, и Грузии, и Турции, и Греции как «родной земли», родины предков для Георгия и всех урумов.

Обосновавшись в Греции, Георгий пытался начать свой бизнес, как и многие другие мигранты из бывшего СССР, используя старые связи. Продав машину, он инвестировал денежные средства в проект по доставке из российского черноморского порта строительных материалов с дальнейшей продажей их в Греции. Однако греческая таможня задержала груз и потребовала большую сумму в виде таможенного сбора, чем предполагал Георгий.

Я заключил с ними договор, где четко была прописана сумма по налогам. Но когда груз пришел, они говорят: «Нет, это еще не все, это лишь часть налогов, а надо заплатить еще и за то, и за это». В общем, обманули меня. А тут еще и партнер меня кинул, тот, который меня на это дело подбил. Таможня же груз задержала, а он нашел за это время другого поставщика для своей стройки.

Позднее Георгию удалось продать эти стройматериалы, но по очень низкой цене. В результате он потерял все свои деньги и остался должен, правда, не очень большую сумму. Занимал он у друзей, чтобы уплатить все налоги таможен. После этого случая Георгий уже не помышлял о бизнесе, да и не имел для этого стартового капитала.

В ходе наших бесед Георгий объяснял свой отъезд разными причинами: желанием воссоединиться с другими греками, стремлением переселиться на родину предков и даже получить бонусы от греческого государства и заняться бизнесом. Но любое из этих объяснений показывало, что устремления Георгия не оправдались и что он потерпел неудачу. Воссоединение с другими греками вылилось в стигматизацию «русопонти»⁶. Переселение на землю предков лишило его возможности работать по профессии и вызвало чувство ностальгии. Бонусы он не получил в полном объеме, так как не захотел поселиться на специально отведенных для репатриантов территориях и заниматься сельским хозяйством, а независимый бизнес у него явно не пошел.

Тем не менее, Георгий не желает себя считать неудачником, и в ходе наших бесед он постепенно начал репрезентировать свою биографию как *проект*. Похоже, что потребность обоснования, потребность формулирования аргумента, главного аргумента его жизни, натолкнула его на это. Для нас обоих постепенно стало очевидно, что его жизнь была прожита ради детей; она была одновременно и жертвоприношением, и, в некоторой степени, успехом.

В целом я рад, что мы переселились. Детям здесь хорошо. Они получили хорошее образование... А у внуков еще лучше все будет. Пусть я этого не увижу уже, но я знаю точно, у них все будет хорошо!

Ясно теперь, что ностальгическое чувство по отношению к России происходит из этого дискурса о жертвоприношении. Георгий никогда не проживал на территории собственно России, но для многих людей Россия – не только наследница СССР, но и его символический приемник. И Георгий, говоря о России, имел в виду, конечно, СССР.

Итак, в последней нашей беседе Георгий окончательно сформулировал основную причину своей миграции: он уже настаивал на том, что единственным его стремлением было обеспечить будущее детей. Таким образом, в разных вариантах своего рассказа о причинах миграции Георгий позиционирует себя то в качестве «бриколера», то «автора проекта»⁷. Противоречие в этих двух позициях проявляется тогда, когда Георгий пытается преодолеть неудовлетворенность своей миграционной историей, ретроспективно представляя ее как историю жертвоприношения. Рассказывая о своей жизни, возможно впервые, Георгий вспоминает свои сомнения, мысли и чувства. И не пытается подчинить их главной идее жертвоприношения. В процессе рассказывания он об-

наруживает неувязки и противоречия в своей истории, видит слабость своих собственных аргументов. Но постепенно он формулирует главную тему своей жизни – идею жертвоприношения – и пытается использовать ее, чтобы обосновать основные события миграции. Идея жертвоприношения развивается постепенно: он начинает с темы нападения на сына и последовавшей «вынужденной»⁸ миграции его семьи, но затем превращает эти события в проект, особый жизненный план, который он всегда хотел осуществить. Да, Георгий как автор проекта понимает, что принес себя в жертву и что его жена Ольга тоже страдает. Но и муж, и жена, по словам Георгия, едины в оценке своей миграционной истории, т.е. они разделяют общий дискурс о жертвоприношении и посвятили жизни с момента отъезда из Тбилиси их общей цели спасения своих детей, чтобы дать им наилучшее будущее. Несомненно, решение эмигрировать, принятое Георгием и Ольгой, воплотилось в действие, которое может быть оценено как бриколаж. Многие мигрантские истории – это, по существу, истории бриколажа, и основываются они на стремлении попробовать что-то новое. Однако перспектива слушающего исследователя побуждает рассказчика представлять свои истории как спланированный проект, который был хорошо обдуман и осознанно осуществлен. Дискурсы о жертвенности по отношению к детям воспринимаются положительно и в постсоветских обществах, и в Греции. Забота о детях полностью поддерживается широко распространенным среди постсоветских граждан дискурсом о семье, разделяемым и в среде цалкских греков.

Переезд семьи Георгия в Грецию выглядит как бегство от плохой жизни к хорошей. Он едва ли имел какое-то представление о том, как эта «хорошая» жизнь в Греции устроена, но ясно осознавал, как устроена «плохая» жизнь в Грузии. Георгий, конечно, не мог предвидеть, что будет заканчивать свою трудовую карьеру охранником в маленьком отеле; он надеялся организовать бизнес, но потерпел неудачу, потеряв машину и став должником; он не мог предвидеть, что путь от Тбилиси до Батуми и далее до границы будет стоить ему трехкомнатной квартиры. Конечно, он размышлял, как правильно поступить, и находил лучшие, как ему казалось, решения. Другими словами, Георгий пытался создать для себя и своей семьи новую жизнь из того, что было под рукой, как бриколер производит свое творение. Капитал «подтвержденной этничности» с его материальным выражением в визах для всей семьи является, бесспорно, наиболее существенным элементом в бриколерской стратегии Георгия. Свой экономический капитал он конвертировал в деньги, оставив только автомобиль и вещи, которые возможно увезти: его экономическая ценность заключалась в том, что использование личного автомобиля – это самый дешевый способ, чтобы вчетвером добраться до Греции (хотя, как уже отмечалось, он не принял во

внимание поборы на дорогах). Таким образом, Георгий не рассчитал в точности стоимость переезда и не оценил риски, связанные с таким дальним путешествием на машине. Он просто хотел уехать и пытался сделать это настолько дешево и удобно для всей семьи, насколько мог. Свой символический капитал он «взял с собой» в форме диплома о высшем образовании и трудовой книжки, однако на пути конвертации этого капитала в греческий символический капитал возник «Центр по признанию дипломов зарубежных университетов».

Что касается преподавания, которым Георгий намеревался заниматься в Греции, то допуск в поле образования тщательно контролируется государством. Более того, в Греции это поле производит и поддерживает сильные националистические дискурсы (Tzanelli 2006), которые проявляются в виде регулярных политических скандалов, возникающих в связи с правом школьников нести флаги на ежегодных школьных парадах. Лучшие ученики школ получают право нести эти флаги, и причины скандалов – в этническом происхождении этих учеников. Иногда лучшими учениками становятся дети негреческого происхождения, например русские или албанцы, это, собственно, и вызывает бурную негативную реакцию националистов (см. подробно: Manuylov 2015: 145–147).

Георгий как обладатель символического капитала, аккумулированного за рубежом, обнаружил поле образования практически закрытым для себя, хотя его компетенции вполне соответствуют аналогичным греческим. Три ключевых фактора не позволили Георгию вернуться к своей профессии: 1) языковая проблема, которая служит также и маркером его не-греческости; 2) жесткий контроль поля со стороны государства (см.: Manuylov 2015: 150–152), который выражается, в частности, в пятнадцатилетнем сроке, необходимом для принятия решения в отношении советских дипломов Георгия и Ольги; 3) ограниченное количество мест на рынке труда, особенно для людей возраста Георгия и Ольги, что производит интенсивную конкуренцию среди кандидатов (см.: Patrinos 1997: 217). Все это привело к тому, что с течением времени Георгий утратил свой профессионализм.

Символический капитал Георгия, аккумулированный в другой стране, не мог быть распознан в публичной сфере, так как он не был конвертирован или подтвержден. Он сохранил свое значение только внутри семьи. Благодаря семейным механизмам инвестирования символические капиталы Ольги и Георгия сыграли свою роль в том, что их дети были сориентированы на получение высшего образования⁹, дальнейшее развитие своих карьер и выбор брачных партнеров (т.е. матримонийные стратегии).

Анна Триандафилиду и Мариангела Вику, разбирая социальную структуру греческого общества, сформулировали понятие «иерархия

греческости» и показали, что эта иерархия является дискурсом, произведенным государством (или, точнее, различными ключевыми институтами государства) и разделяемым населением Греции (Triandafyllidou 2001: 126; Triandafyllidou, Veikou 2002: 191). Понтийские греки, к которым относятся и выходцы из бывшего СССР русопонти, «являются, так сказать, гражданами второго сорта» (Triandafyllidou 2001: 126).

В брачных стратегиях «второсортная греческость» может быть более важным фактором, чем, например, степень по медицине или успешная карьера (Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 162). Дочь Георгия вышла замуж за соотечественника из Грузии, тоже врача, и их семейная жизнь была «очень гармоничной», по его словам, сын только собирался жениться, но родители невесты выражали свое несогласие на этот брак в связи с этническим происхождением их будущего зятя, родившегося в Тбилиси, а также в связи с социальными позициями его родителей («Мы же простые люди», – объясняет Георгий). Он и сам не одобрял выбор сына в основном из-за пренебрежительной позиции родителей невесты. Георгий и Ольга, утратившие в Греции профессионализм, имели символические капиталы, хорошо распознаваемые в среде понтийцев, выходцев из постсоветских стран, находившиеся в основном в таких же условиях, как и Ольга с Георгием; все, что они могли, – это инвестировать в собственные семьи, и старались обеспечить детей высшим образованием и интеллектуальной средой, необходимой для этого. Ольга и Георгий были успешны в случае брака своей дочери, так как семья ее мужа принадлежала к той же социальной группе, имела то же этническое происхождение и также пережила миграцию. Это явление весьма широко распространено в среде мигрантов из России и других постсоветских стран. Случай Георгия, хотя и типичный, не является единственно возможным. Описанный мною ранее случай Анны (Мануйлов 2017) показывает, что ей удалось подтвердить в гораздо более короткий период свой диплом по фармацевтике, найти работу по специальности и затем, приобретя опыт, стаж работы и авторитет, перейти в бизнес по медицинскому страхованию. Однако не следует упускать из внимания, что Анна прибыла из России в Грецию в более раннем возрасте, чем Георгий, и она не была отягощена ответственностью за семью. Мне знакомы и другие случаи успешных карьер в Греции среди специалистов с высшим образованием, полученным в советских и постсоветских вузах, даже в поле греческого образования.

Ежегодно с 1995 по 1997 г. греческий Центр по признанию дипломов зарубежных университетов получал по десять тысяч заявлений¹⁰. Для меня остается неясным, почему заявления Георгия и Ольги рассматривались настолько долго (впрочем, большинство моих информантов с университетскими дипломами отмечали, что они имели серьезные проблемы с подтверждением своего образования и тратили на это мно-

го времени). Я могу лишь предположить, что дипломы из постсоветских стран могли рассматриваться в самую последнюю очередь в соответствии со списком приоритетов. Упомянутый Центр как элемент экономического поля Греции выражает и осуществляет внутреннюю логику этого поля (в отношении иностранных дипломов), и состоит она в том, что «выпускники университетов из стран ЕС лучше осваиваются на греческом рынке труда с точки зрения трудоустройства в сравнении с выпускниками из всех других стран, и получают более высокие зарплаты, чем выпускники с Балкан» (Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 160). Поэтому возможно предположить иерархию иностранных дипломов, в верхней части которой – дипломы из стран ЕС, затем – из балканских стран и еще ниже – из постсоветских. Результатом этих обстоятельств является двойная иерархия (объединяющая иерархии этничности и «качества» диплома), в которой мигранты из бывшего Советского Союза не занимают и не могут занять высокие уровни ни в государственном, ни в частном секторе.

Слабый символический капитал и его миграционные преимущества

Э. Вутира отмечает, что процесс иммиграции в целом сопровождается «утратой классовой принадлежности и навыков (declassing and de-skilling experience)», общей для мигрантов из бывшего СССР в Грецию, Германию и Израиль (Voutira 2004: 538). Я согласен с ее утверждением, если его применять к таким, как Георгий, людям, у которых имеется значительный символический капитал, распознаваемый в качестве такого только в стране их происхождения, но не в Греции, где его необходимо дополнительно подтверждать. Однако другие мигранты, чей символический капитал был аккумулирован вне университетов и заключался в навыках практической деятельности, обычно получают допуск к соответствующим полям в Греции только на основе своих навыков и умений. Этот допуск характеризуется низкими требованиями к владению языком, а сами поля не требуют признания каких-либо документов.

Разумеется, те, кто обладает более слабым символическим капиталом, чем Георгий или Анна, представляют собой совершенно иной вариант миграции. Николай, автомеханик, родился в Самарканде в 1967 г. в греческой семье. Его отец родом из Евпатории, а мать отца – «то ли из Евпатории, то ли из Константинополя, в то время это была еще территория Греции». Эта самая бабушка Николая говорила на языке «очень близком к новогреческому». В 1944 г. евпаторийская семья подверглась репрессиям и была депортирована в Сибирь, за исключением бабушкиного старшего брата, который сохранил свой греческий пас-

порт и на основании его был выслан как иностранец в Узбекистан. В 1956 г. «сибирская» часть семьи переселилась в Самарканд и воссоединилась с «узбекской» частью. Семья матери Николая происходит из Абхазии. Эта семья тоже пострадала от репрессий против греков и была выселена в Казахстан, но в Казахстане доктора порекомендовали деду Николаю переехать в Узбекистан из-за неподходящего для его здоровья климата. И семья вынуждена была снова переезжать, на этот раз в Самарканд, где родители Николая и познакомились. У Николая есть брат 1969 г.р., жена и сын. «Школа, армия, работа, – говорит Николай о своей жизни в Узбекистане, – вот и вся биография». Тем самым он показывает, что его история типична для множества советских людей. Вернувшись из армии домой, Николай стал работать как автомеханик в своем родном Самарканде. Но в 1988 г. он решил посетить Грецию в качестве туриста. «И что-то мне понравилось здесь, но вот что?» – задумчиво произнес Николай. К 1994 г. семья решила переезжать в Грецию и реализовала это намерение в 1996 г. Группа репатриантов состояла из Николая, обеих его бабушек, отца, матери, брата, жены и сына, т.е. всего восемь человек переезжали одновременно. В Афинах поначалу они остановились у родственников, затем с помощью этих родственников сняли квартиру. Николай стал работать на стройках как разнорабочий. Он был в помощниках у пожилого строителя: «Помогал одному старичку. Он найдет работу – и я с ним, все время его сопровождал». После четырех месяцев таких случайных работ Николай нашел место в афинском метро, но вскоре обнаружил этот самый автосервис, где смог продемонстрировать свои умения, и владелец, Степан, выходец из Абхазии, взял его автомехаником. Вскоре его брат Константин тоже устроился в эту мастерскую.

Все их коллеги по мастерской начинали свою профессиональную деятельность как автомеханики в своих странах и довольно быстро после прибытия в Афины, обычно в течение года, находили работу у Степана в автосервисе.

Если сравнить два случая – Николая и Георгия, – вывод кажется ясным: чем сильнее символический капитал, полученный за рубежом, тем более проблематично его подтверждение. Таким образом, процесс (ре)апроприации греческой идентичности также более проблематичен и растянут во времени. Наряду с этим следует отметить, что оба мужчины имели возможность использовать свою этничность как капитал, позволивший им получить доступ к миграции в качестве репатриантов.

Наконец, следует принять во внимание также и физический (телесный), или сексуальный, капитал (см.: Martin, George 2006; Green 2008; Goldenberg 2010), который также является формой капитала, используемого при миграции. Упомянутая выше Анна утверждала, что «был период [конец 1990-х], когда все бордели были заполнены дамами из

России» (см. также о 2000 г.: Triandafyllidou 2000: 197–198; Gropas, Triandafyllidou 2007: 150). Джеймс О. Финкенауэр и Элин Дж. Уоринг (Finckenaueer, Waring 1998) считают, что мигрировавшие из России и восточноевропейских стран женщины, работающие проститутками, стали серьезным вызовом для Греции к 1990-м гг. В 1995 г., например, множество греческих полицейских было арестовано за организацию проституции с участием иностранок и руководство их трафиком. Финкенауэр и Уоринг также отмечают, что «в Грецию завлекали множество российских и восточноевропейских женщин обещаниями богатой жизни. По прибытии их паспорта изымались и продавались владельцам ночных клубов. Женщины превращались в настоящих заключенных и насильно склонялись к занятию проституцией» (Finckenaueer, Waring 1998: 140). Обычно эти женщины не имели ничего, кроме физической привлекательности, и некоторые из них использовали ее как вид символического капитала, который является необходимым и достаточным средством доступа к полю секс-индустрии. Многие из моих знакомых, проживающих в Патре, Эгионе, Афинах и Александрополисе, рассказывали истории о женщинах из России, работавших в ночных клубах. Основным их стремлением была, конечно, не проституция, а замужество и создание семьи в Греции. Даже работая в ночных клубах, некоторые из них находили своих будущих мужей, которые вызволяли их из криминального бизнеса и помогали с документами. За время работы проститутками они обучались языку и местным правилам, знакомились с людьми, обзаводились друзьями. Таким образом, они использовали период своей работы в ночных клубах в целях апроприации новой греческой идентичности, нового для себя мира и надеялись войти в этот мир через брак.

Если рассматривать репатриацию с точки зрения биополитики, т.е. перемещения физических тел, избранных на основе этничности (иногда сопровождаемой дополнительными условиями, см.: Voutira 2004: 539–540), воплощенный в теле символический капитал (такой как способности, практические умения, привлекательность и пр.) является наиболее пригодным для мигранта вариантом символического капитала и гарантией успешной апроприации. Чем больше символический капитал связан с физическим телом, тем больше шансов, что он сможет быть репатрирован вместе с телом, и наоборот. Мой акцент на физическом здесь не случаен. «Национальный фонд по принятию и переселению репатрированных греков», например, в одном из своих первых документов, регулирующих порядок репатриации, рассматривал репатриантов как людей без образования и не имеющих отношение ни к одному из полей, кроме крестьянского хозяйства: «Репатрианты – это люди с низкими экономическими запросами и потребностями, поэтому они могут принять без каких-либо жалоб даже наиболее трудные условия жизни в

пограничных регионах» (цит. по: Voutira 2004: 535). Таким образом, кризис идентичности проявляется у обладателей сильных мигрантских символических капиталов, аккумулированных за рубежом.

Заключение

Подводя итог анализу и некоторой интерпретации мигрантских историй, представленных в статье, возможно сделать следующие выводы:

Более слабый символический капитал, аккумулированный в странах происхождения мигрантов, позволяет осуществить более эффективную апроприацию и интегрироваться в греческое общество достаточно быстро и без потерь, связанных с утратой профессионализма и понижением социального статуса. Более сильный символический капитал обычно является плохим багажом для мигранта в смысле апроприации греческости.

Даже если сильный символический капитал не может быть перенесен из одной страны в другую, он может играть значительную роль в матримониальных стратегиях и в социальном оценивании возможного брачного партнера. Так что такого рода капитал репатрируется (как в описанном случае), но в форме внутрисемейных инвестиций или внутригруппового признания (среди выходцев из Цалки, например, или в целом среди выходцев из бывшего СССР).

Неудача в переносе и подтверждении сильных иностранных капиталов, особенно если это обусловлено ограничениями рынка специалистов, ведет к потере профессиональных навыков и кризису идентичности из-за невозможности апроприировать греческую идентичность на основе сильного символического капитала, но происходящего из другой страны, статус дипломов которой признается в греческом поле образования низким.

И, пожалуй, еще один вывод: теория капиталов Бурдье, как показывает проанализированный мною кейс, остается релевантной и полезной при описании, анализе и интерпретации международных миграций.

Примечания

¹ Ср. у Ван Хеара: «Индивидуальная миграционная биография или история коллективной миграции сообщества должны, вероятно, включать... достаточное количество разного рода перемещений. Это ведет к аккумулированию того, что может быть названо, перефразируя Массея и др. (Massey et al. 1993), "миграционным культурным капиталом", т.е. знаниями о том, как действовать в отношении миграции, как работать с посредниками, организаторами незаконного трафика (traffickers), пограничниками и чиновниками, как устанавливать и поддерживать контакты в принимающих странах и как найти жилье, получить социальные выплаты или работу» (Van Hear 1998: 50).

² См. также главу 9 «Принцип кумуляции» в цитируемой книге Мюрдала (Myrdal 1958: 198–205).

³ В статье, опубликованной в 2003 г., Дуглас С. Массей и Майкл Б. Агилера обращаются к концепту социального капитала Бурдьё, однако они не отделяют его понимание от понимания капитала в работах Коулмана (Coleman 1994) и Патнэма (Putnam 2000), например (Aguilera, Massey 2003: 671).

⁴ Эти полевые исследования были бы невозможны без финансовой поддержки L. Meltzers Høyskolefond, Samfunnsvitenskapelige fakultet (Universitetet i Bergen) и Institutt for sosialantropologi (Universitetet i Bergen).

⁵ См. об этом: Мануцлов 2015.

⁶ Русопонти – название и самоназвание понтийских греков из постсоветских стран в Греции.

⁷ Я здесь обращаюсь лишь к *терминологии* Клода Леви-Строса (Lévi-Strauss 1966: 16), не разделяя его *интерпретации* данных терминов. См. критику его интерпретации у Жака Деррида (Derrida 1978: 359–364).

⁸ Проблема определения и классификации постсоветской греческой репатриации (добровольная vs. вынужденная) периодически поднимается в литературе (см., например: Voutira 1991, 2004; Popov 2010).

⁹ Я спросил Георгия, почему его дети решили стать врачами, он ответил, что в его городе есть только один вуз – медицинский институт. Они решили, что получение образования в Александрополисе было бы дешевле, чем отправлять детей, например в Фесалоники.

¹⁰ Рассчитано по: Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 152.

Литература

- Джуха И. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. 416 с.
- Джуха И. Спецшелоны идут на Восток: История репрессий против греков в СССР. Депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
- Мануйлов А.Н. Апроприация дискурсов и практик: Женская миграция из России в Грецию (1990-е и 2000-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 100–124.
- Читлов Д.С., Читлов Ф.Д., Гуриели Е.Д. Цалкинцы – дети Грузии: Историко-публицистическое и научно-социологическое исследование. Тбилиси: Закавказские военные ведомости, 1992. 336 с.
- Aguilera M.B., Massey D.S. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests // Social Forces. 2003. 82: 2. P. 671–701.
- Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J.G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Bourdieu P. Stratégies de reproduction et modes de domination // Actes de la recherche en sciences sociales. 1994. Vol. 105. Décembre. P. 3–12.
- Cederberg M. Embodied Cultural Capital and the Study of Ethnic Inequalities // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 33–47.
- Clogg R. A Concise History of Greece, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. xvi, 292 p.
- Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.; L.: Belknap Press, 1994. xviii, 994 p.
- Derrida J. Writing and Difference. Eng. transl. London; New York: Routledge, 1978. xxiv, 446 p.
- Erel U. Migrating Cultural Capital: Bourdieu in Migration Studies // Sociology. 2010. Vol. 44(4). P. 642–660.
- Erel U. Thinking Migrant Capitals Intersectionally: Using a Biographical Approach // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 18–32.

- Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. New York; London: W.W. Norton & Company, 1968. 336 p.
- Finckenaue J.O., Waring E.J.* Russian Mafia in America: Immigration, Culture and Crime. Boston: Northeastern University Press, 1998. xvi, 307 p.
- Fujita N.* Gunnar Myrdal's Theory of Cumulative Causation Revisited. Nagoya, 2004. 18 p. (Economic Research Center Discussion Paper. No.147).
- Goldenberg M.* The Body as Capital: Understanding Brazilian Culture // *Vibrant – Virtual Brazilian Anthropology*. 2010. Vol. 7, № 1. P. 220–238.
- Green A.I.* The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach // *Sociological Theory*. 2008. 26:1. P. 25–50.
- Gropas R., Triandafyllidou A.* Greece // Triandafyllidou A., Gropas R. (eds.) *European Immigration: A Sourcebook*. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 141–153.
- Harner J.* Place Identity and Copper Mining in Sonora, Mexico // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91, № 4. P. 660–680.
- Jayaram K.* Capital // Salazar N.B., Jayaram K. (eds.) *Keywords of mobility: Critical engagements*. N.Y.: Berghahn Books, 2016. P. 13–32.
- Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966. xii, 290 p.
- Lianos T.P., Asteriou D., Agiomirgianakis G.M.* Foreign University Graduates in the Greek Labour Market: Employment, Salaries and Overeducation // *International Journal of Finance and Economics*. 2004. № 9. P. 151–164.
- Manuylov A.* Russian Greeks // *Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.
- Martin J.L., George M.* Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital // *Sociological Theory*. 2006. № 24:2. P. 107–132.
- Massey D.S.* Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. № 56: 1. P. 3–26.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. № 19: 3. P. 431–466.
- Morales L., Pilati K.* The Role of Social Capital in Migrants' Engagement in Local Politics in European Cities // Morales L., Giugni M. (eds.) *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. P. 87–114.
- Myrdal G.* Rich lands and poor: The road to world prosperity. N.Y.: Harper, 1957. xx, 168 p.
- Myrdal G.* Value in Social Theory: A Selection of Essays on Methodology. London: Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1958. xlvii, 269 p.
- Patrinos H.A.* Overeducation in Greece // *International Review of Education*. 1997. Vol. 43, № 2/3. P. 203–223.
- Popov A.* Making Sense of Home and Homeland: Former-Soviet Greeks' Motivations and Strategies for a Transnational Migrant Circuit // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. № 36:1. P. 67–85.
- Putnam R.D.* *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.
- Reynolds T.* The Role of Care in Developing Capitals among Caribbean Migrant Families // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 64–79.
- Ryan L., Erel U., D'Angelo A.* Introduction: Understanding 'Migrant Capital' // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 3–17.
- Triandafyllidou A.* 'Racists? Us? Are You Joking?' The Discourse of Social Exclusion of Immigrants in Greece and Italy // King R., Lazaridis G., Tsardanidis Ch. (eds.) *Eldorado or Fortress?: Migration in Southern Europe*. New York: Palgrave Publishers, 2000. P. 186–206.

- Triandafyllidou A.* Immigrants and National Identity in Europe. London: Routledge, 2001. xii, 175 p.
- Triandafyllidou A., Veikou M.* The hierarchy of Greekness: Ethnic and national identity considerations in Greek immigration policy // *Ethnicities*. 2002. № 2:2. P. 189–208.
- Tzanelli, Rodanthe.* 'Not My Flag!': Citizenship and nationhood in the margins of Europe (Greece, October 2000/2003). *Ethnic and Racial Studies*, 2006. № 29: 1. P. 27–49.
- Van Hear N.* New Diasporas: The mass exodus, dispersal and regrouping of migrant communities. London: UCL Press, 1998. xvi, 298 p.
- Voutira E.* Pontic Greeks Today: Migrants or Refugees? // *Journal of Refugee Studies*. 1991. Vol. 4, № 4. P. 400–420.
- Voutira E.* Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as «Privileged Return Migrants» // *Espace, Populations, Sociétés*. 2004. № 3. P. 533–544.
- Werbner P.* The Migration Process: Capital, Gifts and Offerings among British Pakistanis. Oxford: Berg Publishers, 1990. xxii, 391 p.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2018 г.

Manuylov Alexander N.

**REPATRIATION OF SYMBOLIC CAPITAL AND IDENTITY CRISIS DURING
MIGRATION FROM THE FORMER SOVIET UNION TO GREECE
(from the 1990 to 2000s)**

DOI: 10.17223/2312461X/21/11

Abstract. In the article, the problem of identity crisis is addressed in the context of migration from ex-Soviet countries to Greece, the so-called repatriation. Field materials collected in Greece and Russia constituted the basis of the article which is focused on narratives of a migrant from Georgia. The narratives tell about the reasons for his migration to Greece, about how he adjusted to life in Greece, what problems he encountered, why he does not want to come back, and how he views his migration. The analysis draws on the Pierre Bourdieu theory of capital; its relevancy for migration research is given special attention. The aim of this article is to examine efficiency of cross-border transfer of migrants' symbolic capital and connection of this efficiency to identity crisis. The author concludes that a weaker symbolic capital accumulated in the migrant's home country assists more successful appropriation and does not lead to deskilling and social deterioration, whereas a stronger symbolic capital is usually bad luggage for migration in terms of appropriation. However, it plays an important role in matrimonial strategies and intra-group relationships, and the failure to transfer and confirm strong symbolic capitals leads to both deskilling and identity crisis.

Keywords: theory of capitals, migration, identity crisis, symbolic capital, appropriation

References

- Aguilera, Michael B. and Douglas S. Massey. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests, *Social Forces*, 2003, no. 82:2, pp. 671–701.
- Bourdieu, Pierre. The forms of capital, Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986, pp. 241–258.
- Bourdieu, Pierre. Stratégies de reproduction et modes de domination. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1994, Vol. 105. Décembre, pp. 3–12.
- Cederberg, Maja Embodied Cultural Capital and the Study of Ethnic Inequalities. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 33–47.
- Chitlov D.S., Chitlov F.D., Gurieli E.D. *Tsalkintsy – deti Gruzii: Istoriko-publitsisticheskoe i nauchno-sotsiologicheskoe issledovanie* [Tsalkians – Children of Georgia: Historical-

- journalistic and scientific-sociological research]. Tbilisi: Izdatel'stvo "Zakavkazskie voennye vedomosti", 1992. 336 p.
- Clogg, Richard. *A Concise History of Greece*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. xvi, 292 p.
- Coleman, James S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.; L.: Belknap Press, 1994. xviii, 994 p.
- Derrida, Jacques. *Writing and Difference*. Eng. transl. London; New York: Routledge, 1978. xxiv, 446 p.
- Dzhukha, Ivan. *Grecheskaia operatsiia: Istoriia repressiy protiv grekov v SSSR* [The Greek operation: the history of repressions against Greeks in the USSR]. St. Petersburg: Aleteya, 2006. 416 p.
- Dzhukha, Ivan. *Spetseshelony idut na vostok: Istoriia repressiy protiv grekov v SSSR. Deportatsii 1940-kh gg.* [Special echelons go East: the history of repressions against Greeks in the USSR. Deportations of the 1940s]. St. Petersburg: Aleteya, 2008. 560 p.
- Erel, Umut. Migrating Cultural Capital: Bourdieu in Migration Studies. *Sociology*, 2010, Vol. 44(4), pp. 642–660.
- Erel, Umut. Thinking Migrant Capitals Intersectionally: Using a Biographical Approach. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 18–32.
- Erikson, Erik H. *Identity: Youth and Crisis*. New York; London: W.W.Norton & Company, 1968. 336 p.
- Finckenauer, James O. and Elin J. Waring. *Russian Mafia in America: Immigration, Culture and Crime*. Boston: Northeastern University Press, 1998. xvi, 307 p.
- Fujita, Nanako. *Gunnar Myrdal's Theory of Cumulative Causation Revisited*. Nagoya, 2004. 18 p. (Economic Research Center Discussion Paper. No. 147).
- Goldenberg, Mirian. The Body as Capital: Understanding Brazilian Culture. *Vibrant – Virtual Brazilian Anthropology*, 2010, vol. 7, no. 1, pp. 220–238.
- Green, Adam Isaiah. The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 2008, no. 26:1, pp. 25–50.
- Gropas, Ruby and Anna Triandafyllidou. Greece. In: Triandafyllidou A., Gropas R. (eds.) *European Immigration: A Sourcebook*. Aldershot: Ashgate, 2008, pp. 141–153.
- Harner, John. Place Identity and Copper Mining in Sonora, Mexico. *Annals of the Association of American Geographers*, 2001, Vol. 91, no. 4, pp. 660–680.
- Jayaram, Kiran. Capital. In: Salazar N.B., Jayaram K. (eds.) *Keywords of mobility: Critical engagements*. N.Y: Berghahn Books, 2016, pp. 13–32.
- Lévi-Strauss, Claude. *The Savage Mind*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966. xii, 290 p.
- Lianos, Theodore P., D. Asteriou & G.M. Agiomirgianakis. Foreign University Graduates in the Greek Labour Market: Employment, Salaries and Overeducation. *International Journal of Finance and Economics*, 2004, no. 9, pp. 151–164.
- Manuylov, Alexander. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.
- Manuylov, Alexander. Apropratsiia diskursov i praktik: Zhenskaia migratsiia iz Rossii v Gretsiiu (1990-t i 2000-e gg.) [The appropriation of discourses and practices: female migration from Russia to Greece in the 1990s and the 2000s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 2, pp. 100–124.
- Martin, John Levi and Matt George. Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 2006, no. 24:2, pp. 107–132.
- Massey, Douglas S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 1990, no. 56:1, pp. 3–26.
- Massey, Douglas S., Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 1993, no. 19:3, pp. 431–466.

- Morales, Laura and Katia Pilati. The Role of Social Capital in Migrants' Engagement in Local Politics in European Cities. In: Morales L., Giugni M. (eds.) *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 87–114.
- Myrdal, Gunnar. *Rich lands and poor: The road to world prosperity*. New York: Harper, 1957. xx, 168 p.
- Myrdal, Gunnar. *Value in Social Theory: A Selection of Essays on Methodology*. London: Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1958. xlvi, 269 p.
- Patrinos, Harry Anthony. Overeducation in Greece. *International Review of Education*, 1997, Vol. 43, no. 2/3, pp. 203–223.
- Popov, Anton. Making Sense of Home and Homeland: Former-Soviet Greeks' Motivations and Strategies for a Transnational Migrant Circuit. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2010, no. 36:1, pp. 67–85.
- Putnam, Robert D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.
- Reynolds, Tracey. The Role of Care in Developing Capitals among Caribbean Migrant Families. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 64–79.
- Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo. Introduction: Understanding 'Migrant Capital'. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 3–17.
- Triandafyllidou, Anna. 'Racists? Us? Are You Joking?' The Discourse of Social Exclusion of Immigrants in Greece and Italy. In: King, Russell, Gabriella Lazaridis, and Charalambos Tsardanidis (eds.) *Eldorado or Fortress?: Migration in Southern Europe*. New York: Palgrave Publishers, 2000, pp. 186–206.
- Triandafyllidou, Anna. *Immigrants and National Identity in Europe*. London: Routledge, 2001. xii, 175 p.
- Triandafyllidou, Anna and Mariangela Veikou. The hierarchy of Greekness: Ethnic and national identity considerations in Greek immigration policy. *Ethnicities*, 2002, no. 2:2, pp. 189–208.
- Tzanelli, Rodanthi. 'Not My Flag!': Citizenship and nationhood in the margins of Europe (Greece, October 2000/2003). *Ethnic and Racial Studies*, 2006. 29: 1, pp. 27–49.
- Van Hear, Nicholas. *New Diasporas: The mass exodus, dispersal and regrouping of migrant communities*. London: UCL Press, 1998. xvi, 298 p.
- Voutira, Eftihia. Pontic Greeks Today: Migrants or Refugees? *Journal of Refugee Studies*, 1991, Vol. 4, no. 4, pp. 400–420.
- Voutira, Eftihia. Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as "Privileged Return Migrants". *Espace, Populations, Sociétés*, 2004, no. 3, pp. 533–544.
- Werbner, Pnina. *The Migration Process: Capital, Gifts and Offerings among British Pakistanis*. Oxford: Berg Publishers, 1990. xxii, 391 p.